

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.210.5.060-072

А. А. Павлов

Институт государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС)
АО «Лаборатория Исполком»
г. Москва, Российская Федерация

Неосновательное обогащение в результате оборота объектов информационного права

Резюме. Информация, не являясь объектом гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) тем не менее приобрела объективную оборотоспособность, не позволяющую ввиду ее ценности для определенных лиц ограничиться применением конструкции договора возмездного оказания услуг для правового регулирования складывающихся правоотношений. В статье изучаются правовая природа информации и ее историческое и современное регулирование, исследуются случаи противоправного доступа к информации и ее использования к выгоде недобросовестного лица и предлагается возможность применения института неосновательного обогащения по аналогии. Доказывается, что *actio de in rem verso* как институт несправедливого обогащения является наиболее подходящим для регулирования исследуемого правоотношения. Предлагается использование названного института вплоть до реформы гражданского законодательства в целях придания информации свойства полноценного объекта гражданских прав. Аргументировано, что реформа гражданского законодательства в части включения информации в состав объектов гражданских прав давно назрела и обусловлена объективным развитием информационного общества. Более того, расширение цифровизации и цифровой трансформации участников гражданских правоотношений, включая государство, не оставляет сомнений в том, что внесение таких изменений актуально, а судам, как только появится возможность, необходимо начать применять новое законодательство в этой части.

Ключевые слова: информация; информационное право; право на информацию; гражданский оборот информации; неосновательное обогащение; несправедливое обогащение; *actio de in rem verso*

Для цитирования: Павлов А. А. Неосновательное обогащение в результате оборота объектов информационного права. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 5. С. 60–72. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.210.5.060-072

Unjustified Enrichment as a result of Turnover of Objects of Information Law

Andrey A. Pavlov

Institute of Public Administration and Civil Service
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
АО «Laboratoriya Ispolkom»
Moscow, Russian Federation

Abstract. Not being an object of civil rights (Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation), information has acquired objective marketability that does not limit itself, due to its value for certain persons, to using the construction of a contract for the provision of paid services for the legal regulation of emerging legal relations. The paper examines the legal nature of information and its historical and modern regulation, examines cases of illegal access to information and its use for the benefit of an unscrupulous person and suggests the possibility of applying the institute of unjustified enrichment by analogy. It is proved that the use of *actio de in rem verso* as an institution of unfair enrichment is the most appropriate for regulating the legal relationship under study. It is proposed to use the named institution up to the proposed reform of civil legislation in order to give information the properties of a full-fledged object of civil rights. It is argued that the reform of civil legislation regarding

© Павлов А. А., 2024

the inclusion of information in the objects of civil rights is long overdue and is predetermined by the objective development of the information society. Moreover, the expansion of digitalization and digital transformation of participants in civil law relations, including the state, leaves no doubt that such changes are relevant, and the courts, as soon as such an opportunity arises, need to begin applying new legislation in this regard.

Keywords: information; information law; right to information; civil circulation of information; unjustified enrichment; unfair enrichment; *actio de in rem verso*

Cite as: Pavlov AA. Unjustified Enrichment as a result of Turnover of Objects of Information Law. *Lex russica*. 2024;77(5):60-72. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.210.5.060-072.

Введение

Важность информации в современном мире не вызывает сомнений. Повсеместная цифровизация, рост числа пользователей сетевых ресурсов, расширение объемов баз данных и хранилищ для всевозможных сведений повлекли как значительное увеличение объемов информации, так и облегчение доступа к ней и, как следствие, рост возможностей использования и распространения.

Отрасль информационного права была выделена в системе отраслей российского права достаточно недавно: в 1999 г. в структуре Института государства и права Российской академии наук был образован сектор информационного права и с 2000 г. информационное право было включено в специальность 12.00.14¹. Стимулом для становления данной отрасли послужили информационно-технический прогресс, развитие телекоммуникационных и цифровых технологий, увеличение степени автоматизации процессов, а также растущее в геометрической прогрессии использование компьютеров, кратное увеличение их мощности и иных производственных характеристик и, как следствие, объемов информации, которую можно хранить, систематизировать, обрабатывать и использовать. При этом, являясь специфическим и технически непростым объектом информационного права как комплексной отрасли, информация так и не стала самостоятельным и полноценным объектом гражданского права.

Вместе с тем развитие уровня техники, информационная мобильность населения и предпринимателей, цифровизация и цифровая трансформация процессов государственного управления и предоставления государственных услуг в самом широком смысле слова придали информации совершенно новое качество, не

позволяющее впредь ограничиться признанием ее лишь результатом оказания услуги по предоставлению информации или доступа к ней либо объектом интеллектуальных прав. В отсутствие доктринально обоснованного и практически проверенного законодательного регулирования информация тем не менее объективно приобрела самостоятельную ценность, не носящую, впрочем, всеобъемлющего значения, позволяющего быть универсальным средством платежа или служить эквивалентом иных материальных благ. Вследствие ценности для отдельных лиц, заинтересованных в некоторой конкретной информации, она приобрела ограниченную оборотоспособность. В некоторых случаях оборот информации, получение доступа и воспроизведение ее с последующим использованием, без надлежащего в зависимости от обстоятельств разрешения предоставляет недобросовестному лицу преимущества в предпринимательской либо иной деятельности.

В связи с этим возникает вопрос, возможно ли применение института неосновательного обогащения к таким случаям неправомерного использования «чужой» информации.

Основная часть

Одним из первых обратил внимание на необходимость выделения отрасли права для правового регулирования информационных общественных отношений А. Б. Венгеров, указав, в частности, что «правовая регламентация информационных потоков должна включать в себя и регламентацию сбора и передачи данных»². Однако идеи А. Б. Венгерова в части выделения самостоятельной отрасли права не получили значительной поддержки со стороны правового сообщества. Впоследствии Ю. М. Батурин иссле-

¹ Автор статьи являлся аспирантом Института государства и права РАН в 1999–2002 гг.

² Венгеров А. Б. Право и информация в условиях автоматизации управления (Теоретические вопросы). М. : Юрид. лит., 1978. С. 142.

довал, требуют ли информационные отношения «специфической формы правового регулирования»³, и в качестве вывода своего исследования указывал на потенциальное выделение отрасли компьютерного права в будущем, по мере появления особенностей метода правового регулирования.

Информационное право как отрасль права и как юридическая специальность получило свое развитие в том виде, в котором имеет место на настоящий момент, благодаря деятельности таких ученых, как В. А. Копылов, И. Л. Бачило, М. А. Федотов, М. М. Рассолов и др. В частности, в рамках круглого стола, состоявшегося 27 января 2000 г. в Институте международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, В. А. Копылов, И. Л. Бачило, М. А. Федотов активно выступили в пользу формирования отдельной отрасли информационного права, которую предложено рассматривать как комплексную отрасль права, «имеющую свой особый предмет правового регулирования — информационные отношения; свои принципы правового регулирования информационных отношений, базирующиеся на особенностях и юридических свойствах информации; и использующую весь спектр традиционных методов правового регулирования публичного и частного права»⁴. В результате проведенной работы информационное право было официально включено в состав номенклатуры специальностей сначала в комплексе (12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право»), а затем и самостоятельно (12.00.13 «Информационное право»).

Что же понимается под информационным правом? В. А. Копылов предлагает рассматривать информационное право как «систему социальных норм и отношений, охраняемых силой государства, возникающих в информационной сфере — сфере производства, преобразования

и потребления информации. Основным предмет правового регулирования информационного права — это информационные отношения, т.е. отношения, возникающие при осуществлении информационных процессов — процессов производства, сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, передачи, распространения и потребления информации»⁵.

А. А. Тедеев рассматривает информационное право как самостоятельную комплексную отрасль российского права, представляющую собой совокупность юридических норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в информационной сфере в процессе оборота информации и применения информационных технологий (при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации), а также при обеспечении защиты информации (в процессе правового обеспечения информационной безопасности и правовой охраны информационной дисциплины)⁶. Указанные общественные отношения и являются предметом информационного права.

Несколько отличается указанием на цель информационного права определение, предложенное И. Л. Бачило и В. Н. Лопатиным, согласно которому «информационное право — совокупность правовых норм, регулирующих отношения в информационной сфере, связанных с оборотом информации, формированием и использованием информационных ресурсов, созданием и функционированием информационных систем в целях обеспечения безопасного удовлетворения информационных потребностей граждан, их организаций, государства и общества»⁷. В более поздних работах И. Л. Бачило не дает определение информационного права через самостоятельную отрасль права, хотя и обосновывает необходимость выделения такой отрасли, но определяет информационное право через призму науки⁸.

³ См.: Батулин Ю. М. Проблемы компьютерного права. М. : Юрид. лит., 1991.

⁴ Доклад профессора Копылова В. А. // Труды по интеллектуальной собственности. Т. 2 : Актуальные проблемы информационного права. 2000. URL: https://www.hse.ru/data/2021/02/28/1395782402/2.tis-1999_2.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

⁵ Копылов В. А. Информационное право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2002.

⁶ См.: Информационное право : учебник для вузов / М. А. Федотов [и др.] ; под ред. М. А. Федотова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024.

⁷ Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право / под ред. академика РАН Б. Н. Топорнина. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2001. С. 106.

⁸ См.: Бачило И. Л. Информационное право : учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023.

Стоит коротко остановиться также на методе правового регулирования информационного права. На начальных этапах становления информационного права прослеживалась тенденция включения его в состав отраслей публичного права⁹, преобладающим методом регулирования в рамках которых является метод власти и подчинения (императивный). Как уже было указано, информационное право было изначально включено в блок специальности 12.00.14 наравне с административным и финансовым правом, которые основаны по большей части на императивном методе регулирования складывающихся правоотношений.

Впрочем, следует согласиться с мнением тех специалистов, которые указывают, что информационное право, не имея на настоящий момент собственного метода правового регулирования, основывается на сочетании императивного и диспозитивного¹⁰. Вместе с тем вопрос относительно отсутствия собственного метода правового регулирования является спорным. Например, А. А. Тедеев указывает на особый метод правового регулирования¹¹, присущий информационному праву, не раскрывая, в чем же такой метод заключается. На специфику метода информационного права в качестве «уникального сочетания способов правового регулирования: запретов, позитивных обязываний, дозволений, поощрений, правовых рекомендаций» с акцентом на саморегулировании и договорно-правовом регулировании указывает А. В. Минбалеев¹².

Тем не менее представляется, что на настоящий момент собственный метод правового регулирования информационного права так и не сформировался и в зависимости от того, какие правоотношения подлежат регулированию, информационное право использует методы либо публичных, либо частноправовых отраслей. Отчасти такая идея принята и в отношении информационного права как науки, что выражается в том, что при укрупнении номенклатуры научных специальностей на основании приказа

Минобрнауки России от 24.02.2021 № 118 частноправовые аспекты применения информационных (цифровых) технологий содержатся в паспорте специальности 5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки», а публично-правовое регулирование в сфере информации и информационных (цифровых) технологий, архивного дела и защиты информации — в паспорте специальности 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки».

Для настоящей работы вопросы публично-правовых отношений в сфере информационного права не рассматриваются в силу того, что такие отношения регулируются императивным образом, не предоставляя в подавляющем большинстве случаев свободу выбора их участникам. Однако проведенное исследование ограничивается оборотом информации в частноправовой сфере и основано на том, что субъекту правоотношений предоставляются усмотрение и свобода действий по реализации и защите своих прав.

Как справедливо указывают В. А. Копылов и М. А. Лапина, термин «информационное право» основан на объекте регулирования — информации, которая является основным объектом, по поводу которого возникают общественные отношения, подлежащие регулированию нормами информационного права¹³. Информацию и информационные ресурсы в качестве объекта правового регулирования для информационного права выделяет и И. Л. Бачило¹⁴. Указание на информацию как на объект информационного права содержится и в учебнике О. А. Городова¹⁵.

Для целей настоящей работы в качестве объекта информационного права будет рассматриваться именно информация во всех выражениях.

Понятие «информация» является многогранным и дать его точное определение, выделить основные признаки без учета цели его толкования (для какой научной сферы, каких общественных отношений и т.д.) затруднительно.

⁹ См.: Тихомиров Ю. А. Публичное право. М.: Бек, 1995. С. 339.

¹⁰ См.: Копылов В. А. Указ. соч.; Бачило И. Л. Указ. соч.

¹¹ См.: Информационное право: учебник для вузов / М. А. Федотов [и др.]; под ред. М. А. Федотова.

¹² См.: Минбалеев А. В. Характеристика метода правового регулирования (на примере метода информационного права) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2013. № 2. С. 92.

¹³ См.: Копылов В. А. Указ. соч.; Информационное право: учеб. пособие / В. И. Лапин, М. А. Лапина, А. Г. Ревин; под ред. И. Ш. Киясханова. М.: Закон и право, Юнити-Дана, 2004.

¹⁴ См.: Бачило И. Л. Указ. соч.

¹⁵ См.: Городов О. А. Информационное право: учебник для бакалавров. 2-е изд. М.: Проспект, 2019.

Понятие информации, информационных систем и информационных технологий законодательно закреплено в ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон об информации), согласно которой информация — сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Отдельно стоит остановиться на вопросе о том, является ли информация объектом гражданских прав. Как было указано ранее, правоотношения по поводу информации и информационных систем регулируются в том числе частноправовыми методами. Соответственно, отношения по поводу информации подлежат урегулированию отраслью гражданского права.

В силу прямого регулирования ст. 5 Закона об информации она может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений. Из п. 3 ст. 6 Закона об информации следует, каким образом информация может участвовать в обороте: предоставление доступа к информации, ее использование, передача, защита и иные способы. Однако указанный Закон не раскрывает детально частноправовое регулирование информации в качестве объекта, не распространяет на нее режим вещей (имущества), или услуг, или интеллектуальных прав.

До относительно недавнего времени (1 января 2008 г.) информация прямо была поименована в ст. 128 ГК РФ в качестве объекта гражданских прав. Однако одновременно с введением в действие ч. VI ГК РФ по регулированию прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации Федеральным законом от 18.12.2006 № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» информация была исключена из перечня объектов гражданских прав. Причем первоначальный текст законопроекта не предусматривал ее исключения¹⁶, однако в отсутствие официально опубликованных пояснений на этот счет в за-

ключениях ответственного комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ и Правового управления законопроект был принят в редакции без включения информации в состав объектов гражданских прав.

По мнению Л. Б. Ситдиковой, которое действительно отчасти объясняет отказ от закрепления информации в качестве объекта гражданских прав в ст. 128 ГК РФ, законодатель «растворил информацию среди объектов гражданских прав, как то: вещного, прав интеллектуальной собственности, работ, услуг и т.д.»¹⁷.

В другой работе Л. Б. Ситдикова предлагает рассматривать информацию как нематериальное благо и выделять отдельно как объект гражданских прав¹⁸. Однако такой подход представляется неверным, поскольку сведения могут являться объектом гражданских прав только в том случае, когда они выражены вовне. Любые известные одному лицу сведения, данные, результаты интеллектуальной деятельности не могут выступать в гражданском обороте в недоступной для иных субъектов форме (как существующие только «в голове» обладателя таких сведений). В таком ключе стоит согласиться с позицией В. С. Толстого, что «сведения становятся доступными для правовой защиты, если зафиксированы в любой возможной объективированной форме — устной, письменной либо иной, в том числе с использованием технических средств, т.е. с того момента, когда они стали информацией»¹⁹, из чего следует вывод о возникновении правоотношений по поводу таких сведений, т.е. информация становится объектом права.

Кроме того, в цивилистических исследованиях зачастую указывается, что информация в принципе не является самостоятельным объектом гражданских прав, но входит в оказание услуги. В частности, Р. С. Бевзенко указывает, что информация может выступать содержанием обязательства обязанного лица, а объектом правоотношения тогда будут действия такого лица по оказанию услуги по предоставлению информации, передаче данных и т.д.²⁰ Такая

¹⁶ Законопроект № 323425-4 «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/60674966-240D-49AA-A319-3EB48CD87333>.

¹⁷ См.: Ситдикова Л. Б. Информация как правовая и как гражданско-правовая категория: статус информации в гражданском праве // Гражданское право. 2007. № 2.

¹⁸ См.: Ситдикова Л. Б. Информация как нематериальное благо // Юрист. 2007. № 8.

¹⁹ См.: Толстой В. С. Гражданское информационное право. М.: Academia: АПК и ППРО, 2009.

²⁰ См.: Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2015. С. 345.

позиция с учетом развития техники и информационного обмена представляется устаревшей.

С учетом фактически складывающихся правоотношений информация не всегда является результатом оказания услуг или входит в состав объекта интеллектуальной собственности, но имеет собственную ценность и оборотоспособность. Например, к такого рода информации могут относиться персональные данные физического лица или сведения о нем (например, любимый магазин, религиозные и политические взгляды, место проживания и т.д. в рамках профиля в социальной сети), которые сам их обладатель вносит в информационную систему хранения данных. При этом такой субъект не оказывает никому услуг: его действия определяются исключительно личными целями — сообщить кругу лиц, которых такой субъект также самостоятельно выделяет, какую-то информацию о себе или об известных обстоятельствах. При этом сама по себе такая информация не представляет собой объект авторского права или права интеллектуальной собственности. То обстоятельство, что информация пользователя хранится на серверах социальной сети, не означает, что такая информация была произведена владельцем социальной сети в результате оказания услуги — сам пользователь эту информацию внес и указал.

Показательным с этой точки зрения может быть судебный процесс по делу № А40-18827/2017 по иску ООО «ВКонтакте» к ООО «Дабл» о признании действий ответчиков по извлечению и последующему использованию информационных элементов из базы данных пользователей социальной сети «ВКонтакте» нарушением исключительного права истца как изготовителя базы данных пользователей социальной сети «ВКонтакте», об обязанности ответчиков прекратить нарушение исключительных прав истца, прекратить извлечение информационных материалов из базы данных пользователей социальной сети «ВКонтакте», прекратить неоднократное использование информационных материалов из базы данных пользователей социальной сети «ВКонтакте», уничтожить со всех информационных носителей информационные элементы, ранее извлеченные из базы данных пользователей социальной сети «ВКон-

такте», о взыскании компенсации за нарушение исключительного права в размере 1 руб.²¹

Выиграв дело в суде первой инстанции, в своих возражениях ООО «Дабл» заявляло, что ООО «ВКонтакте» не доказан факт создания базы данных, соответствующей признакам, установленным статьей 1334 ГК РФ: ООО «ВКонтакте» не понесло существенные финансовые, материальные, организационные и иные затраты на создание базы данных. Кроме того, ООО «Дабл» не извлекало из базы данных истца никакой информации, но разработало собственное программное обеспечение, которое осуществляло поиск общедоступной информации в сети Интернет, в частности в социальной сети «ВКонтакте».

Из вышеприведенного судебного спора можно сделать вывод, что в рамках рассматриваемых правоотношений информация выступает как самостоятельный объект права, ООО «ВКонтакте» не оказывало ООО «Дабл» никаких услуг. Не нарушало ООО «Дабл» напрямую и авторские права ООО «ВКонтакте». По смыслу п. 2 ст. 1260 ГК РФ составителю (автору) базы данных принадлежат авторские права на осуществленные ими подбор или расположение материалов (составительство). На основании п. 1 ст. 1334 ГК РФ автору базы данных принадлежит исключительное право извлекать из нее материалы и осуществлять их последующее использование. Составительство в отношении данных о пользователях осуществлялось самими пользователями социальной сети, ООО «Дабл» информацию из базы данных не извлекало, но получало ее в результате разработки собственного программного обеспечения из открытых источников в сети Интернет (включая профили пользователей «ВКонтакте»).

Несмотря на то что впоследствии на основании данного дела в Обзоре практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при применении норм Гражданского кодекса Российской Федерации о правовой охране программ для ЭВМ и баз данных (утв. постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 18.11.2021 № СП-21/26)²², сделан вывод, что совокупность карточек пользователей «ВКонтакте» является базой данных по смыслу п. 2 ст. 1260 ГК РФ, это не отменяет

²¹ См.: постановление Суда по интеллектуальным правам от 23.09.2022 № С01-201/2018 по делу № А40-18827/2017 // СПС «КонсультантПлюс». Производство по делу прекращено, утверждено мировое соглашение.

²² СПС «КонсультантПлюс».

того обстоятельства, что объектом спора являлась информация как таковая, а не в качестве результата интеллектуальной деятельности или оказания услуг. Предметом требований ООО «ВКонтакте» являлось фактически не нарушение его исключительных прав, но запрет использования имеющейся у него информации, которая отвечала условиям общедоступности по смыслу п. 1 ст. 7 Закона об информации в связи с неограниченным доступом к сети «Интернет».

Стоит отметить, что необходимость включения в состав объекта гражданских прав конкретного предмета материального мира (или выражения нематериального) обусловлена, в том числе активным его участием в гражданском обороте. Так, длительное время объектом гражданских прав выступали ценные бумаги, независимо от формы закрепления прав из них. Однако по мере увеличения оборота бездокументарных ценных бумаг соответствующий объект права был добавлен в ст. 128 ГК РФ в качестве разновидности имущественных прав, что фундаментально обособило их от собственно ценных бумаг, в том числе ввиду невозможности применения к бездокументарным ценным бумагам концепции публичной достоверности и базового учения о ценных бумагах, кроме как по аналогии.

С учетом важности информации и роста ее роли в гражданско-правовых отношениях недостаток регулирования в отраслевом законодательстве может быть восполнен посредством признания ее в качестве самостоятельного объекта гражданских прав и распространения на нее соответствующего регулирования. Например, электричество не обладает признаками вещи, однако посредством юридической фикции на его передачу в гражданском обороте распространили нормы о купле-продаже. При этом включение информации в состав объектов гражданских прав, предусмотренных непосредственно статьей 128 ГК РФ, а также закрепление основных механизмов правового регулирования ее использования, передачи, защиты и доступа к ней в очередной раз поставят вопрос о целесообразности выделения отрасли информационного права ввиду отсутствия специального метода правового регулирования. Однако это ни в коем случае не отменяет необходимость изучения информационного права в качестве учебной дисциплины.

Если рассматривать информацию в качестве самостоятельного объекта гражданских прав в отсутствие, однако, ее в составе объектов

гражданских прав в ст. 128 ГК РФ, то неизбежно встает вопрос: могут ли в случае нарушения прав лица, обладающего информацией, быть применены способы защиты гражданских прав, обычно используемые для иных объектов гражданских прав? При этом выбор ненадлежащего способа защиты права является самостоятельным и достаточным основанием для отказа в удовлетворении исковых требований.

В соответствии с п. 5 ст. 2 Закона об информации обладатель информации — лицо, самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам.

Очевидно, что в том случае, когда информация является результатом оказания услуги или работы, результатом интеллектуальной деятельности или средством индивидуализации, защита интересов обладателя может осуществляться любыми, применимыми для перечисленных объектов гражданского права способами, предусмотренными в общем ст. 12 ГК РФ, а в частности ст. 1250–1254 ГК РФ, нормами гл. 38 и 39 ГК РФ. Однако как быть, если информация сама по себе является объектом гражданского-правового интереса и представляет ценность для гражданского оборота? Действующее законодательство не распространяет на информацию как таковую ни режима вещей, ни режима нематериальных благ, ни интеллектуальной собственности. В связи с этим насколько предусмотренные ГК РФ способы защиты права могут быть применены для восстановления нарушенных прав обладателя?

Список предусмотренных в ст. 12 ГК РФ способов защиты права не является исчерпывающим. Вместе с тем способы защиты уточнены также отдельными нормами права (например, виндикационный иск, негаторный иск, кондикционный иск, иск о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, и др.) или сформировавшейся судебной практикой, как, например, восстановление корпоративного контроля, или пока не нашли прямого нормативного регулирования или применения в судебной практике, однако известны другим правовым системам, в частности *actio de in rem verso*, или версионный иск.

При этом стоит отметить, что такой предусмотренный статьей 12 ГК РФ способ защиты права, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, представляет

собой слишком широкое и не конкретизированное понятие. Отдельные способы защиты права фактически и представляют собой восстановление положения. К ним относятся признание права (если такое право ранее было утрачено), виндикационный и негаторный иски, кондикционный иск (предполагает возврат полученного или сбереженного), применение последствий недействительной сделки, восстановление корпоративного контроля. Взыскание убытков также возможно рассмотреть как направленное на восстановление положения, только лишь положения материального. Даже упущенная выгода предполагает восстановление положения, как если бы право лица на получение такой выгоды не было утрачено. Компенсация морального вреда аналогичным образом исходит из того, во сколько можно оценить вред в стоимостном выражении, чтобы лицо восстановило свое состояние до нарушения его права. Безусловно, такое упрощение достаточно условно, однако показывает, насколько неопределенным является указанный в ст. 12 ГК РФ способ — восстановление положения, существовавшего до нарушения права.

Представляется, что восстановление положения, существовавшего до нарушения права, является целью защиты гражданских прав и подлежит использованию как способ лишь в той ситуации, когда иным образом, прямо предусмотренным законодательством применительно к сложившимся правоотношениям, урегулировать ситуацию невозможно. В этой связи стоит привести обоснованное мнение Ю. Н. Андреева, который рассматривает восстановление первоначального положения в качестве результата реального осуществления (реализации) субъективного гражданского права на защиту²³.

Например, Высший Арбитражный Суд РФ при рассмотрении корпоративного конфликта указал, что в области корпоративных отношений реализация такого способа защиты права, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, может выражаться в виде присуждения истцу соответствующей доли

участия в уставном капитале хозяйственного товарищества или общества, исходя из того, что он имеет право на такое участие в хозяйственном товариществе или обществе, которое он имел бы при соблюдении требований действующего законодательства²⁴. Суд применил восстановление права в отсутствие возможности использования истцом иного способа защиты.

Впоследствии право требовать восстановления корпоративного контроля (возврата утраченной доли участия) было закреплено напрямую в п. 3 ст. 65.2 ГК РФ.

Схожего мнения придерживается и А. С. Старовойтова, указывая, что «все способы защиты гражданских прав предназначены для восстановления положения, существовавшего до их нарушения в той или иной степени». Однако впоследствии она видит противоречие в том, что иные способы защиты являются частными случаями восстановления положения как более общего способа. Восстановление контроля рассматривается А. С. Старовойтовой в качестве признания права²⁵.

Таким образом, требования обладателя информации при нарушении его прав (например, несанкционированное использование) направлены на восстановление положения, существовавшего до нарушения права, в той степени и в той форме, в которой это возможно и отвечает интересам субъекта.

Изложенные ранее обстоятельства исключения информации из объектов гражданских прав на том основании, что самостоятельно она таковым не является, но выступает в гражданском обороте только как результат оказания услуг или интеллектуальной деятельности, ограничивают возможности использования способов защиты интересов обладателя информации в тех случаях, когда ценность представляет непосредственно сама информация.

В качестве примеров предлагается рассмотреть следующие ситуации, когда информация была получена и использована против воли ее обладателя.

С учетом ст. 1261 ГК РФ исходный текст и объектный код являются теми признаками, ко-

²³ См.: Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М. : Норма : Инфра-М, 2010.

²⁴ См.: постановление Президиума ВАС РФ от 03.06.2008 № 1176/08 по делу № А14-14857/2004-571/21 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ См.: Старовойтова А. С. Восстановление корпоративного контроля как способ защиты прав участников юридических лиц // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2 ; Она же. Признание права как способ защиты гражданских прав: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

которые индивидуализируют программу для ЭВМ и указывают на автора и правообладателя. Промежуточные коды и алгоритмы, факультативные по отношению к коду программы объекты информационного права (данные, не являющиеся собственно частью программы) правом интеллектуальной собственности не охраняются. Еще более неопределенным представляется положение такого важного результата в ходе создания программы для ЭВМ, как нотации бизнес-процессов, представляющие собой результат анализа, и задание программисту на создание программного кода. Так, технология программирования на настоящем этапе развития предполагает, что результат работы бизнес-аналитиков и системных аналитиков является как минимум не менее важным для достижения требуемого заказчику разработки результата, однако сам результат работы в виде алгоритмично упорядоченных схем не предназначен для исполнения непосредственно с помощью ЭВМ (на компьютере), не включается в состав исходного кода программы для ЭВМ, между тем собственно рассматриваемая информация обладает крайне высокой ценностью. Такая информация может быть скопирована любым сотрудником организации, имеющим прямой доступ к файловой системе, и передана другой организации в целях значительного сокращения срока разработки аналогичного программного продукта или снижения стоимости такой разработки.

Действующее гражданское законодательство не дает ответа на вопрос, как защитить права обладателя такой ценной информации, не отнесенной к какому-либо иному объекту гражданских прав, в случае ее несанкционированного копирования и использования третьим лицом к своей выгоде.

Рассмотрим иной пример. В сложившейся системе правового регулирования доменное имя представляет собой результат оказания услуги по резервированию незанятого иным лицом словесного обозначения, упорядоченного в иерархию доменных зон и их уровней, и разрешению (трансформации) запросов неограниченного числа пользователей всемирной сети из зарезервированного словесного обозначения в адрес систем IPv4 или IPv6 (интернет-протокол четвертой или шестой версии).

Таким образом, пользователь сети, желающий заключить договор на использование доменного имени (обозначения) в первую очередь должен выяснить, не зарезервировано ли такое имя (обозначение) другим лицом. В случае если нужное обозначение уже зарезервировано, заинтересованное лицо может на возмездной основе приобрести права услугополучателя по договору с регистратором доменных имен. В результате ввиду невысокой стоимости самой услуги по резервированию и доступу к доменному имени сложилась объективная заинтересованность в заблаговременном резервировании потенциально привлекательных обозначений в целях их возмездной уступки заинтересованным лицам в будущем, получившем известность как «киберсквоттинг». В случае если заблаговременно зарезервировавший обозначение киберсквоттер не нарушает исключительных прав на товарный знак или фирменное обозначение, оценка его действий как злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) представляется невозможной с учетом диспозитивности частноправового отношения и принципа свободы договора.

В свою очередь, проверка доступности для регистрации доменного имени состоит во введении в поисковую систему регистратора доменного имени представляющего интерес словесного обозначения. Следовательно, результаты такого поиска — само проверяемое обозначение и сведения о том, что оно свободно, — являются весьма ценной для заинтересованного лица информацией.

Получив необоснованный доступ к такой информации, киберсквоттер может зарегистрировать на свое имя интересующее клиента доменное имя, в том числе у другого регистратора, рассчитывая получить, порой весьма значительное²⁶, вознаграждение в результате такого неправомерного доступа к информации.

В приведенных примерах, несмотря на нарушение права доступа к информации, между недобросовестно приобретшим информацию лицом, использующим информацию, и лицом, чьи права нарушены, отсутствуют договорные отношения или отношения, связанные с использованием информации. При этом лицо, получившее доступ к информации, создателем или обладателем которой оно не является,

²⁶ Из собственного опыта автора в 2022–2023 гг. стоимость уступки прав на благозвучные доменные имена в зоне .ru составила от 1 до 1,5 млн руб., выплаченных за приобретение домена.

получает необоснованную выгоду за счет ее использования.

Однако возможно ли в подобных случаях говорить о неосновательном обогащении на стороне приобретателя информации? Буквальное толкование ч. 1 ст. 1102 ГК РФ дает отрицательный ответ на данный вопрос.

Во-первых, неосновательное обогащение состоит в приобретении или сбережении *имущества*, к которому *информация* российским гражданским законодательством не отнесена. Во-вторых, неотъемлемым элементом неосновательного обогащения является признак приобретения или сбережения *за счет* потерпевшего, что означает, что имущество последнего должно претерпеть негативные последствия в виде уменьшения его размера или стоимости.

Впрочем, нельзя назвать справедливым даже при отсутствии прямого законодательного регулирования получение третьим лицом доходов, в том числе в виде существенной экономии средств, за счет использования информации, скопированной без правомерного основания и в отсутствие разрешения ее создателя или обладателя.

Возможным механизмом защиты в таком случае может стать предъявление иска о неосновательном обогащении на основании п. 4 ст. 1103 ГК РФ с требованием о возмещении вреда, причиненного недобросовестным поведением обогатившегося лица. Однако вызывает некоторое сомнение наличие вреда у потерпевшего, который в лучшем случае мог рассчитывать лишь на получение платы за доступ к ценной информации. Определить же вред, выразившийся в получении, к примеру, конкурентом определенного преимущества в сокращении сроков производства или внедрении продукции или услуг, вряд ли возможно.

Таким образом, в приведенных примерах речь идет не столько о неосновательном, сколько о несправедливом обогащении. Вопрос справедливости в гражданском праве обычно не исследуется, однако из римского права в право стран Европы (в частности, Франции) перешло понятие общего иска о неосновательном обогащении — *actio de in rem verso*, или версионный иск.

Так, в решении Кассационного суда от 15.06.1892 по делу Будье суд пришел к следующему выводу: «Учитывая, что этот иск (*actio de in rem verso*) вытекает из принципа справедливости, который запрещает неосновательное обогащение за счет другого и не регламентируется нашими законами, условия его применения не определены, поэтому для его удовлетворения достаточно, чтобы истец сослался на закон и представил доказательства существования выгоды, которую ответчик получил за его (истца) счет или в результате его личных действий...»²⁷. Суть иска сводилась к тому, что арендатор земельного участка приобрел у Будье (истца по делу) удобрения, а впоследствии обанкротился. Договор с арендатором прекратился, и собственник земли принял в качестве погашения задолженности по арендной плате урожай (с учетом использования удобрений Будье). Истец предъявил непосредственно к собственнику земельного участка иск о возмещении стоимости удобрений.

Из данного дела следует, что собственник земельного участка получил урожай на основании договора, однако обогатился за счет использования при выращивании урожая удобрений Будье.

В развитие темы версионного иска М. А. Ероховой предложено вместо понятия справедливости использовать «добросовестность», предполагающую эквивалентность обмена, и, как результат, рассматривать обогащение как «характеризующееся получением выгоды без встречного предоставления»²⁸. Интересно отметить, что вопрос добросовестности действий контрагента в части эквивалентности обмена исследуется, например, при оспаривании сделок несостоятельного должника на основании п. 1 ст. 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Учитывая, что на основании п. 1 ст. 1103 ГК РФ к возврату исполненного по недействительной сделке подлежат применению нормы о неосновательном обогащении, можно говорить о том, что отчасти конструкция «несправедливое обогащение» уже находит применение в российском праве.

Вопрос несправедливого обогащения также рассматривается и в английском праве. Так,

²⁷ См.: Новак Д. В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М.: Статут, 2010.

²⁸ См.: Ерохова М. Зачем на русский язык переведена статья профессора Манчестерского университета Ф. Жилио о «несправедливом» и «неосновательном» обогащении? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 12. С. 142–145.

Ф. Жилио указывает на наличие двух видов исков о «несправедливом» и «неосновательном» обогащении. При этом ««несправедливое» обогащение относится к концепции справедливости в юридических сделках, которая не зависит исключительно от строгих правовых норм. «Неосновательное» обогащение является юридическим ответом на ситуации, когда на стороне приобретателя отсутствует основание для возникновения права». Иск о взыскании несправедливого обогащения основан на нарушении основных принципов права, а не формальных норм. Судья при рассмотрении такого иска устанавливает, допущено ли в отношении сторон нарушение справедливости при переходе имущества²⁹.

Представляется, что использование конструкции иска *actio de in rem verso* может, с учетом недостаточности гражданско-правового регулирования правоотношений по поводу информации как самостоятельного объекта гражданского права, восполнить пробелы в вышеуказанных примерах.

Данный иск может быть эффективным механизмом еще в связи с тем, что ценность информации зачастую различна для участников правоотношений (например, сведения о любимом ресторане знаменитости будут ценными для ее последователя, но практически безразличны не интересующемуся творчеством лицу). В такой ситуации защита интересов субъекта, чьи права нарушены, может строиться на общем принципе справедливости, не допуская умаления прав лица только потому, что его личное ощущение

ценности информации не совпадает с таковым у контрагента.

Заключение

Представляется, что реформа гражданского законодательства в части включения информации в состав объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) давно назрела и обусловлена объективным развитием информационного общества. Более того, расширение цифровизации и цифровой трансформации участников гражданских правоотношений, включая государство, не оставляет сомнений в актуальности внесения таких изменений и необходимости, как только появится такая возможность, судам начать применять новое законодательство в этой части. Это, очевидно, позволит уточнить на практике новые нормы и законоположения с тем, чтобы российское законодательство могло предложить наиболее справедливые и востребованные условия для оборота информации как для российских лиц, так и в правоотношениях с иностранным элементом.

В то же время, пока такие изменения не внесены, для защиты интересов лиц, информация которых была противоправно скопирована, если такая информация не является объектом интеллектуальных прав или результатом оказания услуг, возможно применение института *actio de in rem verso* в качестве аналогии института неосновательного обогащения со ссылкой на п. 4 ст. 1103 ГК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М. : Норма : Инфра-М, 2010. 464 с.
- Батулин Ю. М. Проблемы компьютерного права. М. : Юрид. лит., 1991. 272 с.
- Бачило И. Л. Информационное право : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2023. 419 с.
- Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право / под ред. академика РАН Б. Н. Топорнина. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2001. 787 с.
- Венгеров А. Б. Право и информация в условиях автоматизации управления (Теоретические вопросы). М. : Юрид. лит., 1978. 208 с.
- Городов О. А. Информационное право : учебник для бакалавров. М. : Проспект, 2019. 304 с.
- Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики : в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. А. Белова. М. : Юрайт, 2015. 484 с.
- Ерохина М. А. Зачем на русский язык переведена статья профессора Манчестерского университета Ф. Жилио о «несправедливом» и «неосновательном» обогащении? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 12. С. 154–157.

²⁹ См.: Жилио Ф. Системный подход к «несправедливому» и «неосновательному» обогащению // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 12. С. 146–176.

Жилио Ф. Системный подход к «несправедливому» и «неосновательному» обогащению // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 12. С. 158–189.

Информационное право : учебник для вузов / М. А. Федотов [и др.] ; под ред. М. А. Федотова. М. : Юрайт, 2024. 868 с.

Копылов В. А. Информационное право : учебник. М. : Юрист, 2002. 512 с.

Информационное право : учеб. пособие / В. И. Лапин, М. А. Лапина, А. Г. Ревин ; под ред. И. Ш. Киясханова. М. : Закон и право, Юнити-Дана, 2004. 335 с.

Минбалеев А. В. Характеристика метода правового регулирования (на примере метода информационного права) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2013. Т. 13. № 2. С. 91–94.

Новак Д. В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М. : Статут, 2010. 416 с.

Ситдикова Л. Б. Информация как нематериальное благо // Юрист. 2007. № 8. С. 62–64.

Ситдикова Л. Б. Информация как правовая и как гражданско-правовая категория: статус информации в гражданском праве // Гражданское право. 2007. № 2. С. 41–47.

Старовойтова А. С. Восстановление корпоративного контроля как способ защиты прав участников юридических лиц // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 155–163.

Старовойтова А. С. Признание права как способ защиты гражданских прав: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

Тихомиров Ю. А. Публичное право. М. : Бек, 1995. 496 с.

Толстой В. С. Гражданское информационное право. М. : Academia : АПК и ППРО, 2009. 296 с.

Труды по интеллектуальной собственности. Т. 2 : Актуальные проблемы информационного права. 2000 // URL: https://www.hse.ru/data/2021/02/28/1395782402/2.tis-1999_2.pdf.

REFERENCES

- Andreev YuN. *The mechanism of civil law protection*. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2010. (In Russ.).
- Bachilo IL, Lopatin VN, Fedotov MA, Topornin BN (ed.). *Information Law*. St. Petersburg; 2001. (In Russ.).
- Bachilo IL. *Information Law*. Moscow: Yurait Publ.; 2023. (In Russ.).
- Baturin YuM. *Problems of Computer Law*. Moscow: Yurid. lit.; 1991. (In Russ.).
- Belov VA (ed.). *Civil law. Actual problems of theory and practice*. In 2 vols. Vol. 1. Doctrinal and Practical Commentary. Yurait Publ.; 2015. (In Russ.).
- Erokhina MA. Why was the article by Francesco Giglio, Professor of the University of Manchester about «unfair» and «unjustified» enrichment translated into Russian? *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2016;12:154-157. (In Russ.).
- Fedotov MA, et al. *Information Law*. Moscow: Yurait Publ.; 2024. (In Russ.).
- Giglio F. A systematic approach to «unfair» and «unjustified» enrichment. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2016;12:158-189. (In Russ.).
- Gorodov OA. *Information Law*. Moscow: Prospekt Publ.; 2019. (In Russ.).
- Kopylov VA. *Information Law*. Moscow: Jurist Publ.; 2002. (In Russ.).
- Lapin VI, Lapina MA, Revin AG, Kilyashkanov ISh (ed.). *Information Law*. Moscow: Zakon i pravo, Unity-Dana Publ.; 2004. (In Russ.).
- Minbaleev AV. Characteristics of the method of legal regulation (on the example of the method of information law). *Bulletin of SUSU. The series «Law»*. 2013;13(2):91-94. (In Russ.).
- Novak DV. *Unjustified enrichment in civil law*. Moscow: Statute Publ.; 2010. (In Russ.).
- Sitdikova LB. Information as a legal and civil category: the status of information in civil law. *Civil Law*. 2007;2:41-47. (In Russ.).
- Sitdikova LB. Information as an intangible benefit. *Yurist*. 2007;8:62-64. (In Russ.).
- Starovoitova A S. Restoration of corporate control as a way to protect the rights of participants of legal entities. *Currier of the Kutafin University (MSAL)*. 2019;2:155-163. (In Russ.).
- Starovoitova AS. *Recognition of law as a way to protect civil rights: Problems of theory and practice*. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2020. (In Russ.).
- Tikhomirov YuA. *Public Law*. Moscow: Beck Publ.; 1995. (In Russ.).
- Tolstoy VS. *Civil Information Law*. Moscow: Publishing house of APK and PPRO; 2009. (In Russ.).

Vengerov AB. *Law and information in the context of control automation (theoretical issues)*. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1978. (In Russ.).

Works on intellectual property. 2000. Vol. 2. Available at: https://www.hse.ru/data/2021/02/28/1395782402/2tis-1999_2.pdf (Accessed 02.04.2024). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлов Андрей Алексеевич, кандидат юридических наук, преподаватель Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), старший преподаватель АО «Лаборатория Исполком»

д. 82, стр. 1, Вернадского пр., г. Москва 121260, Российская Федерация

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Pavlov, Cand. Sci. (Law), Lecturer, School of Law, Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Senior Lecturer, AO «Laboratoriya Ispolkom»; Moscow, Russian Federation

Материал поступил в редакцию 2 января 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 апреля 2024 г.

Принята к печати 15 апреля 2024 г.

Received 02.01.2024.

Revised 14.04.2024.

Accepted 15.04.2024.